

действованы все подсистемы социального действия: человек как биологический организм с первичными жизненными потребностями, инстинктами и рефлексам, глубинными психологическими процессами; творческая личность («Эго»), разум, рациональное сознание, вместе с «биологией» составляющее т.н. «базисную структуру»; «социальная система» как совокупность образцов поведения, общественных ролей («интеграция» личности) и взаимодействий (её «интеракция»); «система культуры» – т.е. ценностей, необходимых для эффективной реализации «социетальной функции».

«Актор» социального действия в своих поступках сталкивается с дилеммой «партикуляризма» и универсализма, нейтральности и «аффективности», «диффузности» и «специализации», эгоизма и альтруизма, «аскриптивного» и «достигнутого». Очевидно, что в наши дни, когда мучительно складывается некая глобальная «сверхсистема», необходимо учитывать интересы всех участвующих и заинтересованных сторон. Структурный функционализм и теория социального действия Т. Парсонса наполняются новым актуальным содержанием при решении коэволюционных проблем современности.

Трансформации обыденного познания в цифровом обществе

Дождикова Р. Н.

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

Трансформации в современном цифровом обществе носят тотальный характер, они коснулись не только быта обычного человека, характера и типа его коммуникаций, его поведения и деятельности, сознания и мышления, но и науки, политики, всех форм общественного сознания. В современном цифровом обществе происходит своеобразное переформатирование картины жизненного мира, идеалов и норм обыденного познания. Даже философия здравого смысла подвергается коррекции, а иногда искажению и забвению. «Жизненный мир современного человека, порой, также подвергается забвению или замене миром виртуальным.

Призыв «Назад к природе» (Back to Nature), выдвинутый Ж. Ж. Руссо в период Промышленной революции, в современную цифровую эпоху, эпоху так называемой четвертой, или цифровой революции трансформировался в лозунг «Назад к реальности» (Back to Reality). Виртуальная и игровая зависимость формируется зачастую как неприятие реальности, своеобразное бегство от реальности (эскапизм). Инфантилизм, несамостоятельность, клиповое мышление являются последствиями тотального распространения аудиовизуальных СМИ» [1, с. 9].

Утрачивается живое человеческое общение даже между близкими, родными людьми, а это неминуемо ведет к дефициту понимания. В цифровом обществе «роскошь человеческого общения» превращается в дефицит живого общения, трансформируется в проблему социокультурного понимания, а также в проблему формирования речевого мышления.

Согласно Л. С. Выготскому, именно речевое мышление отличает человека от животного и машины, а сегодня на смену живому слову приходит письменное в его сокращенном варианте: комп – вместо компьютер, чел – вместо человек, препод – вместо преподаватель и др. Например, Метрополитен-опера – Мет не только для американцев. Поэтому можно сказать, что возникает глобальная дислексия на уровне мировой культуры.

Если родители предпочитают виртуальную реальность живому родственному общению, неизбежно возникает не только дефицит общения и понимания, доходящий у детей до аутизма, дислексии и неумения общаться, проговаривать свои мысли, но и глобальный дефицит понимания (семейного, учебно-образовательного, социокультурного). «Не может быть понимания между родителями и детьми, учителями и учениками, если отсутствует это живое человеческое общение! Его не может заменить даже телекоммуникация f2f (face-to-face, лицом к лицу), которое иногда может стать формой отчуждения людей» [1, с. 9].

За счет виртуальной реальности и возможностей интернета, оцифровки информации, книг и документов происходит своеобразное расширение и пе-

реформатирование объекта обыденного познания. Меняется и упрощается субъект обыденного познания «по образу и подобию машины», сужается его интеллектуальный багаж, кругозор и языковое поле, вследствие постепенной утраты интереса к книжной культуре и формирования клипового мышления [2, с. 32]. Трансформации современного субъекта обыденного познания обусловлены «сращиванием», своеобразной его интеграцией с умными гаджетами, техническими нейросетями, а когда подобная интеграция нарушается, вследствие утраты умных гаджетов, возникает так называемый «синдром ампутации», о котором заявляют современные психологи и врачи.

Тогда субъект обыденного познания испытывает «синдром отмены», который можно даже сравнить с ломкой наркомана. [1, с. 9]. Распространенный портрет субъекта обыденного познания – это «человек с опущенной головой», физически слабым, неразвитым телом и клиповым (визуальным) мышлением.

Другой проблемой современного цифрового общества является «цифровой разрыв», порождаемый существующим неравенством в отношении Сети, дифференциацией между «Интернет-имущими» и «Интернет-неимущими» [3, с. 284]. Этот «цифровой разрыв» связан не только с возрастными, образовательными, но и с имущественными, семейными и географическими различиями, например, между городом и деревней, а также с особенностями работы и проблемами здоровья.

В современном обществе возникает своеобразный цифровой технокод, который во многом начинает определять существование человека и его функционирование в качестве субъекта обыденного познания. Цивилизационные технокоды существовали всегда, но именно в современную эпоху цифровые технокоды начинают программировать поведение, деятельность и общение субъекта обыденного познания, порой, в большей степени, чем морально-духовные социокоды.

«Цифру можно назвать своеобразной точкой роста различных видов цифровой реальности: цифровой культуры, науки, дигитальных технологий,

человека цифровой реальности (поколения Z), цифровой экономики, дигитального капитализма» [4, с. 9], дигитальной философии и цифrogenной цивилизации как нового этапа техногенной цивилизации.

Итак, интернет выступает не только как мощный инструмент познания, но и как коммуникационный медиум, «который сделал возможным общение людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [3, с. 15]. Сети «расползаются как колонии микроорганизмов», а на смену «галактике Гутенберга» и «галактике Маклюэна» пришла галактика Интернет [3, с. 15]. Интернет способен поставлять «информационную энергию» для любых сфер человеческой деятельности [3, с. 13], в том числе для познавательной деятельности субъекта обыденного и научного познания.

Актуализируется задача согласования «жизненного мира с новыми расширенными представлениями о реальности» (В. А. Лекторский), ибо субъект обыденного познания имеет дело с различными видами реальности: физической, виртуальной, игровой, «смарт-реальностью», нанореальностью, а также псевдореальностью. Виртуальная реальность «проникает всюду и во многом определяет нашу жизнь.

Это создает огромные возможности для человеческого развития, но одновременно порождает новые проблемы», связанные с трудностью, а иногда и невозможностью для человека интегрировать всю поступающую противоречивую информацию, которая зачастую является дезинформацией, фабрикуемой пост-правдой. «Пост-правда», которой нас окружают и которая используется в активно ведущихся информационных (дезинформационных) войнах, – это способ манипуляции человеком» [5, с. 21].

Погружение в виртуальную реальность еще не сформировавшейся личности фактически представляет собой уход от действительности (бегство от реальности, угроз и рисков), приводит к когнитивной уязвимости субъекта обыденного познания, ибо сила человека в его разуме, мышлении, если же он делегирует эти качества машине, это может стать его слабостью, деградацией вида *Homo sapiens*.

Список использованных источников

1. Дождикова, Р. Н. Трансформации обыденного познания в современном обществе / Р. Н. Дождикова // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2023. – Т. 68, № 1. – С. 7–14.
2. Дождикова, Р. Н. Обыденное познание и некоторые проблемы когнитивной социализации / Р. Н. Дождикова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2018. – № 1. – С. 30–40.
3. Кастельс, М. Галактика Интернет / М. Кастельс. – Екатеринбург: У – Фактория, 2004. – 328 с.
4. Дождикова, Р.Н. Обыденное познание в контексте цивилизационного развития / Р.Н. Дождикова. – Минск: БНТУ, 2020. – 210 с.
5. Лекторский, В.А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма / В.А. Лекторский // Философия науки и техники. – 2018. – Т. 23. – № 2. – С. 18–22.

Философия повседневности: значение того, что мы не замечаем

Барнатович Я. Ю., Булыго Е. К.

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

Философия повседневности относится к разделу философии, который исследует и анализирует нашу повседневную жизнь, ее рутину и привычки. Она утверждает, что именно в повседневности мы можем найти ключевые элементы нашего бытия и личностного развития. Согласно этой философии, повседневные действия и привычки не следует принимать как неосознанные или механические, а как проявления нашего сознания, личности и индивидуальности. Ритм наших ежедневных действий и рутина повседневной жизни – это подлинная основа нашей жизни, ее каркас, который формирует наши мысли и наше поведение.

Понятие «повседневность» вошло в философский лексикон уже более века назад. Тем не менее обращение к этому проблемному полю можно обнаружить еще во времена Античности. Так, например, в трудах Аристотеля